

СЕЛИНА КАТРИН

Том 3
ЛИЧНАЯ ЮРЭИ
ПЕРВОГО ПРИНЦА

Очень тёплая Азия

Селина Катрин

**Личная юрэй первого
принца. Том 3**

«Автор»

2026

Катрин С.

Личная юрэй первого принца. Том 3 / С. Катрин — «Автор»,
2026 — (Очень тёплая Азия)

Юля: Умерла, попала не туда — и теперь я одичавшая драконица в жерле вулкана. Выбралась, нашла деревню с долгом эльфам под грабительский процент и взяла её под защиту: тридцать шесть тысяч риен, полгода срок, а по ночам снится вишнёвоволосый мужчина, которого я, кажется, никогда не встречала. Катэль: Меня объявили безумцем и заперли, брат просит лишь одного — признать, что никакой юрэй не существует. Но я точно знаю, что она есть!

Содержание

Глава 1. На том свете тоже бывает пересортица	5
Глава 1.2	7
Глава 2. Завтрак мечты	9
Глава 3. Две памяти, обе б/у	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Селина Катрин

Личная юрэй первого принца. Том 3

Глава 1. На том свете тоже бывает пересортица

Юля

Вначале была тьма.

Затем она начала рассеиваться, и пришло множество картинок из прошлой жизни. Воспоминания вспыхивали кусочками, будто кто-то наверху перетряхивал старую папку с документами и ронял на пол отдельные листы.

Живя на Огненном Архипелаге, я уже свыклась с тем, что не помню себя до конца. Знаю главное: меня зовут Юля, при жизни я была обычной девушкой из провинциального городка, носила рыжие косы и в качестве хобби изучала иностранные языки. Работала в офисе специалистом по антикризисным ситуациям. Меня часто нанимали, чтобы вернуть бизнес на ватерлинию, оптимизировать отделы, ускорить внутренние процессы и повысить эффективность компании. Сами работники меня, разумеется, не очень любили, потому что я без зазрения совести увольняла ленивых, глупых и тех, кто не справлялся со своими обязанностями. А ещё я обожала автоматизировать процессы и всегда опиралась на язык цифр. Пожалуй, благодаря последнему, в свои тридцать я стала очень редким и высококвалифицированным специалистом, у которого всегда есть клиенты.

Сейчас, пока я плавала зыбком тумане смерти, память из прошлой жизни начала восстанавливаться. Пожалуй, «смерть» — слишком громкое слово. Дух без тела, видимый только животным и одному-единственному красавчику-дракону, к которому меня накрепко привязало по причинам, до сих пор не до конца понятным.

Так вот. О механизмах перехода в другие миры. Кажется, я наконец вспомнила, с чего всё началось.

Кухня. Не дворцовая, с золотыми драконами под потолком, а маленькая, земная с холодильником, обклеенным магнитами, и чайником, свистящим так, будто его режут. За окном мокрый и хмурый ноябрь. Напротив меня за столом сидела заплаканная Ирка и дрожала то ли от обиды, то ли от негодования. В тот вечер она вновь поссорилась со своим парнем и пребывала в состоянии «всё кончено, жить незачем». Они расставались навсегда уже третий раз за год, и потому сонная я спокойно варила кофе и выслушивала бесконечное «какой же он гад, этот Серёжа», не перебивая.

— Представляешь, он снова про мой день рождения забыл, а на следующий день подарил флешку! Корпоративную! То есть ему вообще плевать на меня, — подвывая, тархтела лучшая подруга.

— Так может и хорошо, что вы расстались? Зачем тебе такой мужчина?

— Юля, ты не понимаешь... Я тут реву, а он знает сейчас где? Вот, в баре с друзьями развлекается, локацию отметил! — она развернула экран телефона ко мне.

Я пожала плечами.

Серёже в принципе не особенно нужны были эти отношения. Однако Ира вбила себе в голову, что докажет ему, как сильно он ошибается. В итоге она сперва бегала за ним, уговаривая начать встречаться, а потом принялась устраивать скандалы, почему Сережёнёк уделяет ей недостаточно внимания. Я, конечно, не эксперт в отношениях, но, по-моему, они изначально были с перекосом.

— Юлька, а помоги мне его вернуть! — вдруг озарило Иру.

Я уставилась на опухшее от слёз лицо подруги.

— Вернуть? — повторила без всякого энтузиазма. — Ир, мы же это уже проходили. В феврале. И в апреле. В апреле, между прочим, ты клялась на коробке с роллами, что больше никогда. Может тебе стоит какое-то время побыть одной? Не заканчивается всё на мужиках. Ко всему, помимо Серёжи есть и другие.

— Нет, я хочу именно его! — Ирка воинственно треснула ладонью по столу и шмыгнула носом. — У него просто избегающий тип личности. Но сейчас у меня есть план, я буду бороться за нашу любовь. Ну, пожалуйста, съезди со мной!

— Куда?

— К ведьме!

— Ир, ты совсем, что ли? Какие ещё ведьмы в двадцать первом веке? Тебе лет-то сколько, чтобы в такую ерунду верить?

— Тут говорят, — она вновь помахала телефоном перед моими глазами, — что надо в полночь зажечь свечу, поставить перед зеркалом и... ну, как бы позвать особыми словами, призвать его чувства обратно. Достучаться до него через тонкий мир, во! Эта Малика пишет, что умеет!

Пришлось ехать, не бросать же подругу в таком состоянии.

Квартира ведьмы пахла воском и чем-то приторно травяным. Сама хозяйка оказалась жгучей брюнеткой с крупным носом и таким количеством золота на пальцах, что при рукопожатии я всерьёз испугалась за свои кости.

— Малика, — представилась она грудным голосом и обвела нас с Иркой изучающим взглядом от обуви до сумочек. — Потомственная ведунья в седьмом поколении.

Последняя реплика, очевидно, чтобы брать за услуги дороже. Я мысленно прикинула: если у каждого поколения был такой же «дар», то за годы деятельности эти ведуны должны были вернуть друг другу всех мужей в городе.

Антураж квартиры работал на хозяйку: на стенах висели пучки сушёной травы, в углу тускло работал солевой светильник, а на полке между черепом (явно сувенирным, с ценником, который Малика забыла отклеить) и стопкой потрёпанных книг стоял роутер. Тонкий мир тонким миром, а интернет должен быть стабильным. Я скептически оглядела всё это великолепие и наклонилась к Ирке.

— Слушай, может не стоит? Ну его, этого Сергея, раз он даже подарок выбрать не может.

— Юля!

— Я просто пытаюсь донести, что, вероятно, ты потратишь деньги на воздух. Ты могла бы летать отдохнуть куда-нибудь на море, например, в Азию... Островной Китай или Японию, там сейчас погода хорошая.

Глава 1.2

Я вздохнула. Ну, если важнее, то значит важнее. Мозгом я прекрасно понимала, что нас разводят, но бывают ситуации, когда подругу не надо спасать от глупости. Надо просто посидеть рядом и поддержать её в этой глупости за руку, чтобы было не так страшно. Впрочем, Малика предупредила, что она введёт в жизнь Иры не Серёжу, а мужчину, который ей предназначен судьбой, и уже за эти слова я была благодарна мошеннице. Она как минимум заронила в Иру зерно сомнений, а является ли Сергей «тем самым».

Малика рассадил нас на полу: заказчицу лицом к большому напольному зеркалу, со свечой перед ним, а меня сбоку в полушаге за её плечом, «чтобы держать связь и не мешать». В ладони сунули зажжённую свечу.

— Смотреть только в пламя, — распорядилась ведунья. — В зеркало не заглядывать. Время пограничное, дверь открыта в обе стороны.

Затем Малика затянула что-то низкое, тягучее — не то молитву, не то считалку на выдуманном языке. Я откровенно зевала, пока госпожа ведунья наконец не перестала ломать комедию и не произнесла уже на знакомом родном:

— А теперь пусть душа вернётся туда, где её истинная пара. Куда зовут — туда и...

Ирка испуганно дёрнулась. Я машинально подалась вперёд, чтобы её удержать — и краем глаза, всего на миг, заглянула в зеркало. Холод сковал грудь, а в следующую секунду свеча погасла, и моё сознание вместе с ней.

Следующими кадрами посыпались картинки из больничной палаты.

На узкой койке лежала худая до прозрачности рыжеволосая девушка: щёки ввалились, под кожей проступили скулы и тонкие синие вены. Я даже себя сразу и не узнала. Её-мою руку оплетали трубки, рядом мерно попискивал аппарат, чертивший зелёную линию, и подсоединённая через катетер капельница роняла каплю за каплей с равнодушием метронома.

Несколько раз приходила Ирка, садилась на край кровати и молчала. Родители тоже навещали. Я в восемнадцать покинула родной город, так что на дорогу у них уходил целый день. На все вопросы врачи разводили руками и ссылались на переутомление. «Кома иногда и от работы случается, так бывает». Звучало почти оскорбительно для человека, которого, вообще-то, утащили в зеркало, но Ира молчала как партизан и ни о каких ведьмах не заикалась.

Первое время мама с папой навещали часто, потом — реже. Дорога выматывала, отгулы заканчивались, а жизнь живых, в отличие от моей, продолжала идти своим чередом. И дело было не в том, что они меня разлюбили, отношения у нас всегда были тёплые, просто я слишком рано упорхнула из гнезда и с головой ушла в образование, а затем и в чужие тонущие компании. Родители давно привыкли, что я звоню раз в неделю и приезжаю лишь по праздникам. Удивительное дело: чаще всех к моей койке приходила крёстная тётя Лена. Раз в месяц, если судить по тому, как менялась картинка за окном. Время за стеклом шло, а девушка на койке всё лежала.

А дальше плёнка сменила жанр.

Замелькала красочная Азия с золотыми драконами под потолком, рисовыми террасами и морем, шумящим под окнами великолепного дворца. Кадры пошли быстрые и яркие: вот я учусь проходить сквозь стены, вот мы с котом затеваем расследование, а тут я предлагаю денежную реформу... Как же было, чёрт возьми, здорово! Полгода или чуть больше в формате привидения оказались не менее насыщенными, чем мои последние десять офисных «настоящих» лет.

Перед глазами вспыхнул момент, когда я отправилась за сбежавшим Мандарином — и довыслеживалась до логова дикой драконицы. Она открыла пасть...

И на самом интересном месте картинка дёрнулась.

Снова палата. У моей койки стоит крёстная. Тётя Лена склонилась надо мной, ласково поправляя прядь волос.

— Я пришла попрощаться, Юля, — пробормотала она, обращаясь к спящей мне. — Нечего тебя держать в таком состоянии и мучить. Будь счастлива.

Я ещё не поняла, о чём речь, как тётя уверенным движением выключила медицинский аппарат. Что-то оглушительно запищало, завывало, но меня уже вновь засасывало в омут тьмы. Погодите, это получается, я умудрилась умереть сразу в двух мирах? И как юрэй, и телом?! Блин, у меня вообще-то такая активная загробная деятельность была! Как так-то?! Не-е-ет, заче-е-ем...

Меня стало тянуть куда-то сильнее, словно я оказалась на водной горке, да не вниз и не вверх, а вбок! И сквозь нарастающий гул слышались два голоса.

— Что-то не пойму, что с этой делать...

— Отправь на перерождение, только память приведи в порядок, — деловито распорядился первый.

— Да что я тебе, по-твоему, лох начинающий? — оскорблённо отозвался второй.

«Эй! — хотела возмутиться. — Я вообще-то против! И память мне ещё пригодится, я только что всё вспомнила! Какое ещё перерождение?» Меня тянуло вбок и честно говоря, я уже чувствовала лёгкую тошноту от головокружения. Я попыталась притормозить круговорот темноты. Остановите поезд, я сойду здесь!

— Да она вырывается! Скользкая, зараза, — неожиданно воскликнул всё тот же второй голос.

«Сам ты зараза!»

— Память стирай скорее!

— Да не учи, я пытаюсь!

— Фиксируй её!

— Чем?! У меня руки заняты памятью!

Меня мотало, крутило и выворачивало, как носок в стиральной машине на отжиме. А потом гул сорвался на визг, темнота сжалась в точку и лопнула. Наступила тишина.

Я открыла глаза.

Глава 2. Завтрак мечты

Юля

Просыпаться было больно, голова кружилась.

Я моргнула раз, другой, но вокруг по-прежнему висела чернильная темнота, в которой ничего не разобрать. Я вдохнула поглубже, чтобы остановить головокружение, выдохнула... И внезапно темнота вдруг чуть посветлела, давая разглядеть смутные очертания вокруг.

Странно. Это как понимать?

Я выдохнула ещё раз, и из ноздрей вырвался тусклый оранжевый свет, на мгновение выхватив из мрака шершавые каменные своды. Я бы непременно удивилась, если бы в этот самый момент не пошевелилась.

Ау-у-уч! Что-блин-это-такое-да-чтоб-тебя!!!

Мир сложился пополам от боли. Правый бок, а точнее нечто с суставами и перепонками прострелило так, что я невольно взвыла. Из пасти вырвалось утробное «р-р-р» и эхом раскатилось по каменному мешку. Тут же пришло чёткое понимание, что у меня сломано правое крыло. Но паники не наступило, тело будто само знало, что крыло — это нормально, оно всегда имелось, но не так давно неудачно пострадало, кажется, в драке. Если долго лежать и не шевелиться, то оно заживёт.

Я замерла, стараясь лишний раз не двигать крылом. Острая боль потихонечку угасала. Медленнее, чем мне хотелось бы, но в этой темноте время вообще будто существовало в иной реальности. Я даже не могла определить: день сейчас или ночь, лето или зима? Было зябко, сыро и по-пещерному промозгло, безумно хотелось свернуться в тугой клубок и не разворачиваться. Я снова выдохнула, теперь уже нарочно, и сияние толчком вышло из груди, оседая на камнях. Ещё раз. И ещё. С каждым выдохом в логове становилось чуточку теплее, воздух прогревался и промозглая дрожь понемногу отступала. К сожалению, обогрев помещения забирал слишком много сил.

Зато пока я усердно дышала, другая часть тела внезапно дала о себе знать: желудок свело спазмом. Ох, как же голодно! Я повела носом, втягивая воздух: камень, пыль, далёкий запах моря и ни намёка на что-нибудь съедобное. Ни кролика, ни рыбки, ни завалящей мыши. Совсем ничего.

В этот миг сбоку что-то упало.

Судя по звуку — нечто мягкое и в меру увесистое — и, о боги обоих миров, как же оно пахло! Сытно, вкусно, восхитительно! Это же мясо! Голод вскинулся диким зверем, мысли испарились, даже боль отошла на задний план. Остался лишь древний инстинкт: еда! Прямо перед носом. Нельзя упустить!

Я собрала все силы, приготовилась к адским ощущениям в крыле, сделала рывок и щёлкнула зубами, ловя неожиданный подарок судьбы. Увы, то ли охотник из меня так себе, то ли крыло слишком сильно пострадало.

— Мя-я-яу!!! — оглушительно возмутился подарок судьбы, а на зубах осталась лишь шерсть.

Я расстроено закрыла пасть. Тёплое, вкусное и наглое Мяу убежало в темноту, оставив на языке лишь несъедобную колючую дрянь. Сил возмущаться не было. Голод, обогрев, сломанное крыло — всё разом высосало из меня то небольшое, что оставалось. Голова потяжелела, веки опустились сами собой. Я ткнулась мордой в холодный камень и провалилась в сон.

Не знаю, сколько спала, но проснулась я от того, что в этот раз наглая еда весьма болезненно съездила по морде.

«Да что ж такое!»

Я взвыла от обиды, правда вышло одно сплошное «р-р-р». Перед носом, нагло подсвеченная моим же дыханием, сидела та самая мелкая глупая еда Мяу. Четыре лапы, хвост... мне на один укус. Я облизнулась. В этот раз я буду умнее, можно попробовать подкрасться, а не рывком. Вытянула шею, подобрала лапы и... стоило высунуть язык, как Мяу вздыбил шерсть, вновь ударил когтистой лапой по носу и рванул во мрак.

Ладно. Никуда не денешься. Рано или поздно я тебя съем. Силы утекали быстро, боль в крыле разрасталась, а потому я вновь закрыла глаза.

В третий раз меня снова разбудил удар по морде.

Рык вырвался сразу же, и на этот раз в нём прозвенела злость и твёрдая уверенность, что надо сожрать обнаглевшую еду. Плевать на боль в сломанном крыле, эта рыжая тварь сейчас будет поймана и навсегда пожалеет, что осмелилась сунуться к...

И тут в ноздри ударил ароматный запах. Другой.

Я моргнула и принялась. Еда принесла еду — нечто влажное, солёное и морское. Я завертелась, задышала часто и коротко, пытаясь осветить пространство и найти, где же оно, и нашла. Рядом с Мяу лежала гладкая серебристая вкуснятинка размером с половину его самого!

«Это рыба», — подсказал внутренний голос.

Желудок уже сводило судорогой от восхитительного аромата, разум буквально застилал инстинкт «съесть поскорее». Я подцепила рыбу когтем, запрокинула голову и проглотила одним движением, не жуя. Дыра голода, что грызла изнутри, впервые притихла, и по всему длинному чешуйчатому телу разлилась приятная тяжесть. Веки сами собой потяжелели от блаженного покоя.

И в этом состоянии сквозь дикое «сыто-хорошо» вдруг проклюнулась странная мысль: «А еда-то... приносит еду. Зачем?»

Я приоткрыла один глаз. Маленькое Мяу сидело поодаль и смотрело выжидающе.

«Не есть, — нехотя согласился во мне зверь. — Пока не есть. Мяу, что приносит еду, полезное».

Глава 3. Две памяти, обе б/у

Юля

Сон и явь наконец-то стали двумя принципиально разными состояниями. Раньше я только и делала, что проваливалась в черноту и выныривала из неё, когда наглое Мяу било меня по морде. Теперь же я всё чаще лежала с открытыми глазами в полудрёме и вслушивалась в капель где-то в глубине пещеры. Голод никуда не делся, но из острого, выкручивающего нутро зверя он превратился в нудного соседа за стеной: ныл, бубнил, напоминал о себе, но больше не застилал разум целиком.

И вот однажды я поймала себя на странном.

Мяу принёс рыбу: несколько серебристых тушек разом. Плюхнул передо мной и устроился поодаль, как всегда, выжидая косясь и облизывая пушистую лапу. Тело рвануло вперёд само: пасть распахнулась, язык дёрнулся, всё взвыло «глотай, пока не отняли!». А я вдруг... усилием воли заставила себя остановиться.

«Сначала посчитаем», — сказала себе.

Зачем? А карп его знает! Я внезапно с непоколебимой уверенностью осознала, что в прошлом (какое «прошлое» — отдельный вопрос) нежно и страстно любила числа. Числа, отчёты, доклады и... летать. Прекрасный набор увлечений для зверюги, которая не может пересчитать собственные лапы без умственного напряжения.

Я мотнула башкой, вытряхивая из неё дурацкий туман, и приступила к великому делу: один, два, три, четыре, пять. И вот, пока я героически считала, перед мысленным взором встали сразу два вида цифр. Одни простенькие и абсолютно понятные, другие — какие-то закорючки-иероглифы. Ощущение накрыло дивное: будто кто-то запихнул в одну голову две памяти, обе не первой свежести, обе с дефектами, и предоставил мне самой разбираться, какая из них сегодня работает. Спойлер: ни одна не работала нормально. Дальше держать оборону против голода я уже не могла и сожрала подношение.

После этого дня вновь пошёл заведённый порядок. Мяу исправно приносил еду, я упражнялась в математике (вспомнила, что бывает сложение и вычитание, и гора других замечательных операций), а затем ела. В голове постоянно теплился какой-то туман, возникали картинки, как я охочусь на кабанов, кабарга, фазанов и даже больших таких с рогами... буйволов, точно! Названия приходили мыслеобразами и тоже на разных языках — то на понятном, то какими-то палочками-кружочками-точечками.

Ещё я постоянно дышала через пасть, распространяя жар из нутра и согревая пещеру, и делала я это не задумываясь, как глотают или моргают. Также я стала отмечать когтем на земле дни. Ну или свои побудки, потому что определить время суток было невозможно. Одна вертикальная палочка — одна побудка.

Когда чёрточек стало сорок три, меня впервые разбудила не лапа Мяу. На самый кончик рога опустилось что-то крохотное и холодное. Это было лёгкое прикосновение, оставившее за собой влагу.

«Надо же, снежинка».

Ещё одна спланировала откуда-то сверху, покружилась в оранжевом свете и растаяла, не долетев до камня. И вот тут в голове щёлкнуло: Мяу добывает еду, рыба не водится в скалах, а значит у каменного мешка есть выход. Снег идёт сверху, а следовательно этот выход находится там же. Гениально!

Зверь до этого додуматься не мог. Он жрал, грелся и спал. А вот тот, упрямый, который заставил пересчитать рыбу, сообразил. Я дёрнула крылом, проверяя, что могу себе позволить. Оно наконец больше не сковывало движения. Раскрывать его было всё ещё ужасно неприятно, перепонки простреливало, но согнуть и подобрать, чтобы пройти туда-сюда по пещере и даже

зацепиться за стену, я уже могла. Опять же, крыло было небольшим, и какая-то часть меня знала, что при желании я даже полететь без него смогу, если потребуется. Другое дело, что болью оно существенно отвлекало и не давало сосредоточиться.

Я долго собиралась с силами, а потом поползла на звук капли и на струйку холодного воздуха, которая тянулась откуда-то из темноты. Ползти было физически тяжело, тем более приходилось карабкаться. Длинное чешуйчатое тело цеплялось за выступы, хвост волочился, больное крыло я прижимала к боку и всё равно то и дело задевала им камень и шипела. Мяу от неожиданности рванул вверх, показывая дорогу. Наконец, мы добрались до лаза, но он оказался очень узким.

Сквозь него действительно тянуло холодом и сыпалась редкая снежная крупа, но дыра была в лучшем случае с мою ноздрю. Мяу проскользнул туда легко, как капля воды в щель, обернулся и призывно мяукнул, мол «ну, давай!»

Я взвеси́ла своё состояние, крыло, которое к этому моменту ощутимо разболелось, и вернулась обратно в логово. Отчего-то страха, что меня заперли, не было, зверь знал, что, если очень постарается, то непременно выберется из каменной ловушки. Да и вообще он воспринимал пространство домом.

На пятьдесят третью палочку Мяу притащил не рыбу, а нечто странное. Я даже сразу и не поняла, что это, а потом сообразила — черепаха без панциря. С пятьдесят пятого дня Мяу перестал носить рыбу, заменив её мелкими прибрежными крабами. Кажется, наступила зима и рыба ушла на дно.

На шестьдесят шестой день я проснулась от того, что замерзла до костей. Меня всю покрыло тонкой морозной коркой. Тёмно-коричневая чешуя побелела от инея, по длинному хребту намёрзли крохотные сосульки, иней осел даже на гриве — мягкой шерсти, что шла от макушки вдоль всей шеи, — и прихватил кисточку на конце хвоста так, что она превратилась в жалкую заиндевелую метёлку. Ветвистые рога, точь-в-точь оленьи панты, обросли изморозью до самых кончиков. Я повела крыльями, и с них дождём осыпалась снежная пыль.

Вдох-выдох. Оранжевое сияние вышло из глотки и тут же угасло, так и не успев согреть. Холод окончательно залез под чешую, и внутренний зверь испуганно сжался в комок и затих.

И тут я разозлилась. Нет, ну что это вообще такое? Так мы не договаривались! Я не собираюсь превращаться в сосульку!

Где-то в глубине сидело упрямое и твёрдое, как промёрзший камень, убеждение: я здесь не сдохну! У меня, между прочим, ещё еда не посчитана и счёты с этим миром не сведены. Прикрыв веки, я потянулась к дремлющему под рёбрами центру. Моя часть, та, которая любила летать и не умела считать, охотно подсказала, что таинственным центром можно воспользоваться, вот только другую более разумную меня пришлось на время приглушить.

«Ну, же, давай! Просыпайся, работай! Мне нужно тепло».

Ничего.

«Слушай сюда, ты, печка ленивая, а ну, гори!»

Я зажмурилась, напряглась изо всех сил, даже дышать перестала, и... тяжёлый раскалённый ком повернулся глубоко внутри и вдруг хлынул наружу. Правда на этот раз не дыханием из пасти. Жар через лапы и брюхо заструился в пол. Огромная плита подо мной начала теплеть. Сперва чуть-чуть, потом всё быстрее, и вот уже от неё повалил пар, иней на моей чешуе обернулся капельками, сосульки на хребте сорвались и звонко разбились, а морозная корка сошла вся разом, оставив меня мокрой и ошеломлённой.

Тепло растеклось по всей пещере. Сам камень вокруг дышал жаром, и впервые за всё это бесконечное холодное время мне стало тепло.

«У-ф-ф, не знаю, что это было, но получилось», — подумала я, внезапно поняв, что потратила на отопление пещеры все свои силы. Мокрая, тёплая и совершенно вымотанная, я провалилась в сон.

Следующие дни прошли в тепле, и это было счастье.

Камень держал жар долго, так что мне больше не приходилось дышать в пустоту, выгоняя из себя сияющие облачка дыма. Я лежала на нагретой плите, как кошка на печке (сравнение пришло само и почему-то насмешило), отмечала когтем побудки и совсем не мёрзла. Почти курорт. Если не считать одной маленькой детали.

Еды становилось всё меньше.

Мяу появлялся реже, приносил сущую мелочь: то одного тощего краба, то какие-то коренья, вовсе какую-то невнятную ракушку, — и сам с каждым приходом выглядел всё более понурым. Шерсть свалилась, бока ввалились, на морде поселилась виноватое выражение. А на восемьдесят первую палочку он пришёл с пустой пастью. Мявкнул еле слышно, будто извиняясь, и лёг рядом, прижавшись тёплым тощим боком.

И всё.

Желудок свело от голода, и зверь, разумеется, тут же подал голос: вот же еда. Тёплая. Рядом. Сама пришла. Чего ждать-то?

Раньше я, может, и согласилась бы с ним, но теперь слишком привыкла к рыжему. К тому же, та моя половина, что любила числа и отчёты, вдруг очнулась и ультимативным тоном сообщила: такие Мяу несъедобны. Однако очередной спазм вызвал звёздочки перед глазами.

«Ладно, ладно, — буркнула зверю. — Сейчас что-нибудь найдём».

Я отряхнулась, потянулась всем длинным телом — от пантов до кисточки на хвосте — и осторожно, придиричиво развернула крыло. Оно практически не болело! Я даже несколько раз сложила и расправила его, не веря такому счастью, а потом резво, насколько позволяло затёкшее тело, поползла к лазу. Сзади встрепенулся кормилец, что-то встревоженно спросил на своём мяукающем наречии, но я не стала оборачиваться. Не до светских бесед, когда желудок завязывается в узел.

Я подобралась к лазу, привычно прикидывая, как бы половчее протиснуть тушу в эту издевательски узкую щель... и вдруг замерла.

А зачем, собственно, протискиваться?

Где-то внутри, в том самом раскалённом центре под рёбрами, что грел мне пещеру, шевельнулась мысль. Та же сила, что заставила камень дышать жаром, наверное, может и... подвинуть его? Раздвинуть щель? Я толком не понимала, как, но одна из половин уверенно поддакнула: давай-давай, мы можем!

Я уставилась на каменный лаз и просто захотела, чтобы он стал шире. И не успела даже толком сосредоточиться, как камень затрещал. Скала вокруг узкого прохода пошла трещинами, и края дыры послушно разъехались в стороны. В морду тут же ударил яркий свет, поток ледяного воздуха и непривычных запахов: снег, хвоя, море... Не раздумывая, я рванула вперёд и взлетела. Воздух послушно подхватил и понёс вверх.

Я вырвалась из горы наружу, и вокруг распахнулся новый дивный мир: белый, огромный, заваленный снегом, под низким серым небом. От простора захватило дух, голова закружилась, и зверь восторженно взревел. Его рёв поддержал радостный «мяф» на загровке.

Так-с. Красота красотой, а где тут, спрашивается, еда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.